

ВОСКРЕСНЫЙ ГОСТЬ «СМЕНЫ»

Народный артист СССР

Леонид Осипович УТЕСОВ

СЕРДЦЕ, ТЕБЕ НЕ ХОЧЕТСЯ ПОКОЯ...

УТРОМ я был на репетиции его оркестра, а вечером встретился дома. Рабочий кабинет Утесова доверху заполнен книгами и картинами. Здесь нет обычного для наших дней стандарта, когда что ни квартира, то импортный гарнитур и керамика. У Утесова иначе. Секретер, плотно забитый бумагами, не блещет новизной, не отличается современным лаконизмом форм. И эти необъятные по площади и удивительно уютные кресла, наверное, напоминают хозяину про старый одесский дом в Треугольном переулке.

Здесь много фотоснимков с дарственными надписями. И какими! Вот расписала дедушка русской сцены, один из первых получивший звание народного артиста республики, Владимир Николаевич Давыдов: «Многоэтапному, милому, крайне симпатичному и сердечно любимому артисту Леониду Осиповичу Утесову на добрую память, душевно желая всего лучшего в жизни и полного успеха на сцене — в чем не сомневаюсь!»

Шалыпин, Мариан Андерсон, Зошенко... Все это связано с той порой, когда он жил в Ленинграде.

Леонид Осипович задумчиво откидывается в кресле:

— Почему-то думают, что самый дорогой для меня город — Одесса. На самом деле — Ленинград... Одесса для меня колыбель в общечеловеческом смысле, там я родился. А Ленинград стал мне творческой колыбелью. Все, чего я достиг в жизни, связано с Ленинградом... Там я играл в оперетте, потом в Свободном театре и Театре сатиры, там родился Театржаз.

Утесов рассматривает мой редакционный значок, где под названием газеты значится: «Основана в 1919 году». И снова задумчиво:

— Когда мы впервые встретились со «Сменой», она была совсем молоденькой: три года, а мне — двадцать семь. Чуть позже мы подружились, она тогда уже была десятилетней. Я тоже был веселый и несколько легкомысленный. С возрастом ничего не подделаешь! Но и теперь, через сорок лет, и я, и «Смена» стараемся оставаться молодыми. Кажется, вашей газете это удастся лучше...

Я говорю о «Смене» не случайно. Ведь недаром же сорок лет назад на дверях моей гримерной висела табличка: «Л. Утесов, нештатный корреспондент «Смены». Я часто бывал на редакционных совещаниях, на «летучках». Какие там накалялись страсти, какой гремел смех!.. Это была пора нашей общей юности. Я тоже выступал на этих сборищах, и не только с речами. Читал ребята Багрицкого, Бабеля, Зошенко, Уткина. Между прочим, может быть, вы не знаете, что я

первым на эстраде стал читать произведения советских авторов? В «Смене» печаталась моя автобиография, первый вариант того, что потом вышло под названием «С песней по жизни». «Смена» внимательно следила за моими выступлениями. Помню, бурно обсуждался в прессе спектакль Свободного театра «Мендель Маранц», где я играл главного героя. «Смена» тогда встала за меня стеной. Но случилось, что и доставалось от нее. Самым активным рецензентом в газете был Боря Бродянский... И не только активным, но и принципиальным: если я того заслуживал, он ругал, невзирая на дружбу... Да, со сменовцами моя судьба переплелась тесно. Например, вместе с журналистом Марком Дубровым мы были избраны депутатами Ленсовета от Центрального городского района.

Я навсегда сохранил признательность «Смене» и за то, что она поддержала первую программу моего Театржаза. У меня хранятся все рецензии за полвека. Давайте посмотрим, что писала газета «Смена» в 1929 году.

Леонид Осипович достает старый-старый альбом с газетными вырезками и показывает абзац из сменовской статьи: «Когда-то А. М. Горький характеризовал джаз-банд как буржуазную, кабацкую музыку. «Музыкой толстых» Горький назвал джаз-банд. А в СССР эту музыку отшлифовали, очистили и наполнили живой, бодрящей, заражающей энергией... Бесконечная жизнерадостность пронизывает рабочего зрителя, слушающего Театржаз».

Я обращаю внимание на то, что рецензия написана без малого сорок лет назад, что утесовскому оркестру на днях предстоит юбилей. Леонид Осипович кивает:

— Оркестр родился в женский день, 8 марта 1929 года, на сцене Малого оперного театра... Сегодня утром вы были на репетиции как раз юбилейной программы, которая будет называться «Необыкновенный фестиваль». В ней мы возвращаемся к давней моей идее: театрализованное представление, артисты оркестра выступают и как актеры-исполнители разных ролей. Нет, из старых оркестрантов не осталось никого. Все-таки сорок лет!.. Приходили ко мне мальчишками, уходили довольно-таки пожилыми мужчинами. Дорогие мои ленинградские друзья — Илья и Зиновий Фрадкны, Аркаша Котлярский, Федя Сергеев, Андрияша Дидерихс, Орест Кандат, Миша Ветров, Яша Ханин, Ося Гершкович, Витя Мионов, Коля Носов...

— Значит, Леонид Осипович, скоро мы снова увидим вас на сцене?

— На экране. В программу будут включены кинокадры, и зритель увидит, как я пою, танцую и еще многое из того, что мне приходилось делать раньше. А на сцене... Дружок мой, мне скоро семьдесят пять. Думаю, что уже заслужил право быть художественным руководителем коллектива без появления на сцене (делает же это всю жизнь Игорь Моисеев). Есть актеры, которые не чувствуют, когда надо совсем уйти со сцены, чтобы оставить о себе хорошее впечатление. Я этот момент почувствовал и сам себе сказал: довольно.

Давным-давно, когда по экранам шествовали «Веселые ребята», Бабель написал о нем: «Сценическое создание Утесова — великолепный этот, заряженный электричеством парень, опытный жизнью, всегда готовый и движением сердца и бурной борьбой со злом — может стать образцом, народным спутником, радующим людей». Прошло столько лет, а Утесов остался Утесовым. Я напомнил Леониду Осиповичу эти слова. Он улыбнулся:

— Бабель... Как раз только что закончил статью о нем для журнала... Да, вот пишу... Обычно нормальные люди сочиняют стихи в молодости, а я вдруг ударился в стихотворчество на старости лет. Почитал их Николай Павлович Смирнов-Сокольский и говорит: «Послушай, почему ты не пишешь поэму об Одессе?» Попробовал — не выходит. В стихах не выходит, на прозу тянет. Вот и получились одесские новеллы. Сейчас готовлю большую книгу. В нее войдут и автобиографические материалы, и стихи, и новеллы, и письма...

А писем у него тысячи, гора папок, в которых изыскания в любви и дружбе, стихи и ноты самодельных авторов, предлагающих безвозмездно свои сочинения для включения в репертуар артиста, наивные просьбы научить стать музыкантом, певцом, дирижером. Одно письмо, адресованное «полномочному представителю Одессы в Москве товарищу Утесову», он читает мне сам. Читает с той единственной, утесовской интонацией, которая не может не покорить. Суть письма — тридцать лет назад человек был осужден. Осужден, как и его товарищи по несчастью, несправедливо. Однажды, в лютую метель на валке леса, он почувствовал, что все, конец. И четверо его друзей тоже легли на снег. Но, теряя силы, он вдруг вспомнил «любимый кинофильм «Веселые ребята» и дорогого товарища Утесова». Вспомнил и неожиданно зашел: «И тот, кто с песней по жизни шагает...» Песня оторвала их от снега. Песня вывела их из метели. Песня вернула им жизнь...

Письмо прочитано. Леонид Осипович долго молчит, а потом тихо, словно сам себе:

— Хорошо, что у меня были песни, которые спасали людям жизнь... Но вот что обидно. Я записал на пластинки семьсот пятьдесят песен, а случается, помнят из них далеко не самые лучшие...

Начинаю горячо возражать, доказываю, что это не так, и тогда Утесов неожиданно предлагает напеть что-нибудь из «Риголетто». Вспоминаю арию герцога, и Утесов довольный смеется:

— Вот-вот, в опере столько восхитительных кусков, а вы вспомнили именно «Сердце красавицы», далеко не шедевр, с примитивной мелодией и со слабой гармонией. Так и с песнями получается. Когда говорят об Утесове, многие все еще почему-то первым делом вспоминают пресловутый «Одесский кичман».

— Леонид Осипович, кто из современных эстрадных певцов вам особенно импонирует?

— Эдуард Хиль. Только недавно рассердился на него. В телевизионной передаче Хиль исполнил старую «Песенку военных корреспондентов», но почему-то не в своей манере, а на каком-то псевдододесском полублатном жаргоне. Зачем ему это? А вообще-то с молодыми певцами ныне происходят странные вещи. Я не был избалован внезапной славой. Мне надо было прожить целую жизнь, чтобы добиться известности и признания. Сегодня проще. Сегодня начинающий исполнитель, который только-только встал у микрофона, выступает по телевизору — и завтра его уже знают миллионы. Завтра уже слава. Нарушается естественный ход событий. Актер должен расти.

— Интересно, кого вы предпочитаете из современных композиторов?

— Опять-таки назову ленинградцев. Во-первых, Соловьев-Седой, которого никогда ни с кем не спутаешь. Удивительно своеобразный почерк! Во-вторых, Андрей Петров. «Люди уходят в море» — это силлици! Царь-песня!

Утесов грозит пальцем:

— Но ведь мы же договаривались делать не обычное интервью, а такое, чтобы о песне — ни слова. Разговор начинали с Ленинграда, со «Смены», и я хочу черкнуть ей два слова:

Дорогая «Смена»!
Мы с тобой стали старше.

Старается молодиться.
Тебе это удастся, мне...
Сама понимаешь.

Л. Сидоровский

Смотрю, как он склонился над блокнотом. Народный артист. С детства знакомый человек. Дорогой Леонид Осипович. Ну как же можно ему хоть на миг забыть про песню? Это просто немисливо, потому что сердце по-прежнему не хочется покоя, потому что Утесов и песня неразделимы.

Л. СИДОРОВСКИЙ,
наш спец. корр.
Фото автора

г. Москва